

Засѣданіе 23ое

(Объ отношеніи къ буржуазнымъ партіямъ.)

Товарищи! Я начну свою рѣчь однимъ частнымъ замѣчаніемъ терминологическаго свойства.

Т. Ленинъ напалъ на „Плехановскую“ „Совр. Жизнь“, которая будто бы постояннo говоритъ о политическомъ реализмѣ. Это не вѣрно *фактически*. Я никогда не говорилъ о политическомъ реализмѣ. И если бы т. Ленинъ былъ не совсѣмъ бззаботенъ на счетъ философіи, то онъ зналъ бы, что я и не могу употреблять терминъ „реализмъ“. Терминомъ этимъ сильно злоупотребляютъ въ философіи, и мы, матеріалисты,—вѣдь я, какъ вамъ извѣстно, матеріалистъ, — относимся къ нему съ большимъ недовѣріемъ. Такъ основательны Ленинскія нападки! Впрочемъ, если понимать терминъ реализмъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ его употребляетъ здѣсь т. Либеръ, то, конечно, и я реалистъ. Либеръ говоритъ: наша тактика должна основываться на реальномъ соотношеніи общественныхъ силъ, а не на субъективныхъ

желаніяхъ нашихъ. Это неоспоримо. Однако, вѣдь это-то и есть марксистская тактика; марксистская же тактика есть тактика *современныхъ материалистовъ*. Этой тактики мы всегда держались и именно этимъ вызывали неудовольствіе нашихъ противниковъ. Правда, насъ упрекаютъ теперь не за марксизмъ, а во имя марксизма. Т. Роза Люксембургъ утверждаетъ, что мы составили себѣ извѣстную схему, на основаніи дѣйствій Маркса въ 1847—48 г. г. и ни за что не хотимъ отступить отъ этой схемы. И потому мы, по ее словамъ, сами являемся какими-то окаменѣлостями, — *почтенными* окаменѣлостями: этотъ комплиментъ согласна сдѣлать намъ тов. Роза Люксембургъ, — но все таки окаменѣлостями. Это было бы жаль, но такъ ли это? Посмотримъ: О какой схемѣ идетъ рѣчь у т. Розы Люксембургъ? Эта схема можетъ быть опредѣлена словами: поддержка пролетаріатомъ революціонной буржуазіи въ интересахъ революціи. И эту схему Роза Люксембургъ объявляетъ ошибочной.

Въ 1847—48 г. г. Марксъ считалъ буржуазію *революціонной* и потому, — и *только* потому, — совѣтовалъ пролетаріату идти рядомъ съ ней въ ея борьбѣ со старымъ порядкомъ. Но Марксъ *ошибался*. Германская буржуазія не была революціонной. Тѣмъ болѣе ошибаемся мы, считая революціонной россійскую буржуазію. Такъ говорятъ намъ. И такъ сказала т. Роза Люксембургъ. Но тутъ очень большое недоразумѣніе. Марксъ уже въ сороковыхъ годахъ не смотрѣлъ на германскую буржуазію, какъ на *революціонный* классъ. Вотъ вамъ доказательство. Въ полемикѣ съ К. Гейнценомъ онъ писалъ:

„Германіи, какъ я уже показалъ это въ своихъ „Нѣмко-французскихъ лѣтописяхъ“, не везетъ на особый, христіански-германскій ладъ. Ея буржуазія явилась на сцену такъ поздно, что она начинаетъ борьбу съ абсолютизмомъ и стремится къ завоеванію политической власти въ такой моментъ, когда во всѣхъ развитыхъ странахъ буржуазія уже ведетъ ожесточенную борьбу съ рабочимъ классомъ и когда ея политическія иллюзіи уже пережиты въ европейскомъ сознаніи. Въ нашей странѣ, — гдѣ еще не уничтожена политическая гниль абсолютизма съ его придаткомъ полуфеодалныхъ и сословныхъ отношеній, — отчасти уже существуетъ благодаря развитію промышленности и зависимости Германіи отъ мірового рынка, новѣйшая противоположность между буржуазіей и пролетаріатомъ и вытекающая изъ нея борьба, о чемъ свидѣлствуютъ возстанія рабочихъ въ Силезіи и Богеміи. Такимъ образомъ нѣмецкая буржуазія уже попала въ антагонизмъ съ пролетаріатомъ прежде, чѣмъ она организова-

лась политически, какъ классъ. Война между „подданными“ наперекоръ всѣмъ Гамбахскимъ пѣснямъ, вспыхнула еще раньше, чѣмъ удалось раздѣлаться съ государями и съ дворянствомъ. Чтобы объяснить себѣ это полное противорѣчіе положеніе, которое, разумѣется, отражается и въ нѣмецкой литературѣ, г. Гейнценъ не умѣетъ придумать ничего лучшаго, какъ свалить отвѣтственность за него на своихъ противниковъ и выставить его результатомъ контръ-революціонной дѣятельности коммунистовъ. Между тѣмъ нѣмецкіе рабочіе прекрасно знаютъ, что абсолютизмъ ни на минуту не поколеблется и не можетъ колебаться попотчивать ихъ на службѣ у буржуазіи бичемъ и пулями. Съ какой же стати предпочли бы они грубый гнетъ абсолютнаго правительства, съ его полуфеодалной обстановкой, непосредственному господству буржуазіи? Рабочіе прекрасно знаютъ не только то, что буржуазія должна будетъ сдѣлать имъ болѣе значительныя уступки, чѣмъ абсолютизмъ, но и то, что она противъ своей воли создаетъ, въ интересахъ собственной промышленности и торговли, почву для сплоченія рабочаго класса; сплоченіе же рабочихъ есть первое условіе ихъ побѣды. Рабочіе знаютъ, что уничтоженіе буржуазныхъ имущественныхъ отношеній не достигается сохраненіемъ феодальныхъ. Они знаютъ, что революціонное движеніе буржуазіи противъ феодальныхъ сословій и абсолютной монархіи можетъ лишь ускорить ихъ собственное революціонное движеніе. Они знаютъ, что ихъ собственная борьба противъ буржуазіи можетъ начаться лишь въ тотъ день, когда побѣдитъ буржуазія. И все таки они вовсе не раздѣляютъ буржуазныхъ иллюзій г-на Гейнца. Они могутъ и должны признать буржуазную революцію необходимымъ условіемъ рабочей революціи. Но они не могутъ ни на одну секунду видѣть въ ней свою конечную цѣль.“

Марксъ смотрѣлъ на *германскую* буржуазію совершенно такъ, какъ смотримъ мы на — *россійскую*. Онъ видѣлъ ея половинчатость и все таки считалъ необходимымъ поддерживать ее въ ея хотя-бы и половинчатой борьбѣ со старымъ порядкомъ. Намъ говорятъ: въ то время германское рабочее движеніе было еще въ зародышѣ. Положимъ. Но это, какъ извѣстно, не помѣшало Марксу надѣяться, что буржуазная революція въ Германіи послужитъ лишь *прологомъ* — *пролетарской*. Вы видите: *лишь прологомъ*, и все таки надо поддерживать буржуазію. Такъ обстоитъ дѣло съ такъ называемой схемой. Это вовсе не *схема*, а *методъ*, — нашъ материалистическій методъ въ его примѣненіи къ политикѣ. И Марксъ примѣнялъ его не только къ Германіи. Вотъ что онъ говоритъ объ Англіи, гдѣ тогдашняя буржуазія ужъ, конечно, не была, по его мнѣнію, революціонной. „Что рабочіе смотрятъ именно такъ, — продолжаетъ онъ въ спорѣ съ

К. Гейнценомъ, — это блестяще доказали англійскіе чартисты во время недавняго движенія противъ хлѣбныхъ законовъ. Ни одной минуты не вѣрили они измышленіямъ и фантазіямъ буржуазныхъ радикаловъ, ни на одну минуту не отказывались они отъ своей борьбы противъ нихъ; но они вполне сознательно помогали своимъ врагамъ одержать побѣду надъ торіями; а на другой день послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ на полѣ битвы стояли другъ противъ друга уже не торіи и фритредеры, а фритредеры и чартисты. И послѣдніе завоевали мѣста въ парламентѣ, противъ буржуазныхъ демократовъ“.

Таковъ *методъ*, — повторяю, *методъ*, а не *схема*, — Маркса. Мы *вѣрны* ему. Т. Роза Люксембергъ ему *измѣняетъ*. Это жаль. Т. Абрамовичъ назвалъ ее бланкисткой. Это не точно. Ея взгляды, это всетаки марксизмъ, — бланкизмъ надо цѣликомъ оставить т. т. большевикамъ. И это не „окаменѣлый“ марксизмъ. Это марксизмъ *испарившійся, улетучившійся* въ жару революціонной фразеологіи.

Т. Либеръ спросилъ т. Розу Люксембургъ, на какомъ стулѣ она сидитъ. Наивный вопросъ! Т. Роза Люксембургъ не сидитъ ни на какомъ стулѣ. Она, подобно Рафаэлевой мадоннѣ, носится на облакахъ... отрадныхъ мечтаній. (Апплодисменты).

Намъ говорятъ: вы дѣлаете пролетаріатъ орудіемъ буржуазіи. Это совсѣмъ не вѣрно. *Мы дѣлаемъ буржуазію орудіемъ пролетаріата*. Прошли тѣ времена, когда пролетаріатъ служилъ орудіемъ буржуазіи, миновали безъ возврата. Теперь пролетаріатъ является Деміургомъ нашей революціонной дѣйствительности. Теперь онъ — главная сила. И это даетъ ему особыя права, это налагаетъ на него особыя обязанности. Гегель говоритъ въ своей „Философіи Исторіи“ что народъ, являющійся носителемъ великой исторической идеи, можетъ разсматривать всѣ другіе народы, какъ орудіе для осуществленія его великой цѣли; онъ можетъ топтать ихъ ногами и можетъ употреблять ихъ, какъ средства. Мы стоимъ не на національной, а на классовой точкѣ зрѣнія. Но и мы думаемъ, что пролетаріатъ, этотъ носитель великой идеи, нашего времени, можетъ топтать ногами все *отжившее* и пользоваться всѣмъ *существующимъ* для своей великой цѣли. Онъ можетъ, и онъ долженъ поступать такъ, ибо онъ былъ, есть и будетъ главнымъ двигателемъ революціи въ настоящее время!

(Апплодисменты.)